

Заслуженная артистка России Изольда Лидарская могла бы получить известность под другой фамилией, не менее звучной, отцовской — Керн. Судьба распорядилась иначе. Почему?

Как жалеет сегодня Изольда Александровна, что не расспрашивала в своё время маму о её биографии, начале творческой деятельности, о том, где они встретились с отцом, о его корнях. Хотя, на мой взгляд, она знает немало, в том числе благодаря воспоминаниям московской кузины и старым фотографиям, с которых глядят благородные лица представителей родовой немецкой фамилии. А кто из нас, признайтесь честно, может похвастать тем, что в молодые годы интересовался историей своих предков, и кто не сокрушался об упущенном тогда, когда уже было поздно?!

Матушка Изольды Лидия Николаевна Лидарская блистала на

сцене Оренбургского театра музыкальной комедии, была любима зрителями, но что несла в себе актриса «первого положения», которая долгие годы не имела права ни с кем делиться своей драмой: муж из семьи прусских баронов фон Зейдлиц — враг народа. Что толку, что она знала, какой на самом деле это был прекрасный человек, как ценили его, музыканта и композитора, в театрах, где он работал, как многое мог бы дать культуре Оренбурга.

Александр Керн, в 1928 году окончивший симфоническое отделение Киевского музыкально-драматического института, был назначен главным дирижёром недавно открывшегося Оренбургского театра музыкальной комедии, писал музыку и сам. Жена работала с ним на одной сцене. Жили они неподалёку от места службы, на частной квартире, на улице, которая до сих пор называется Зименская.

В одном из случившихся ещё до перестройки и провозглашённой ею гласности разговоров о сталинской диктатуре, репрессиях и их жертвах Изольда Лидарская возражала чересчур зарывавшимся, по её мнению, критикам: «А вот, как хотите, а жили тогда весело!» Однажды её урезонили: «Изольда Александровна, как вы можете так говорить! Ведь у вас расстреляли отца».

В начале девяностых Лидарской пришло официальное письмо из «серого дома»: «На Ваше

заявление сообщаем, что Ваш отец — Керн Александр Генрихович, 18 ноября 1896 года рождения, уроженец гор. Астрахань, до ареста проживал в г. Оренбурге, ул. Зименская, 14, музыкальный работник театра музыкальной комедии г. Оренбурга.

26 марта 1938 года органами УНКВД Оренбургской области арестован, 31 августа 1938 года по решению НКВД и прокурора СССР осуждён по сфальсифицированным материалам якобы за участие в шпионско-диверсионной террористической группе к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведён в исполнение 8 сентября 1938 года в г. Оренбурге. Местом захоронения жертв массовых репрессий 1937-1938 гг. является Зауральная роща г. Оренбурга, которое по решению горисполкома объявлено городским кладбищем. Смерть зарегистрирована в Оренбургском горзагсе, откуда Вы получите свидетельство о его смерти. Ранее сообщённые сведения, что он умер в местах заключения, не соответствуют действительности.

25 октября 1957 г. определением военного трибунала Южно-Уральского военного округа Керн А.Г. реабилитирован. Направляем Вам фото, относящееся ко времени ареста Вашего отца, т.е. 1938 г.»

Маленькая фотография, 6x4, смотреть на которую без слёз невозможно. Особенно если видел другой снимок, на котором

запечатлены аристократичность, артистизм, уверенная сильная личность. А здесь... Взгляд человека, осознающего свою страшную участь, человека, стоящего одной ногой в могиле, а может быть, внутренне уже пережившего смерть.

Парадный портрет Александра Генриховича в костюме и белой бабочке был извлечён дочерью из семейного архива и занял подобающее место рядом с многочисленными фотографиями Лидии Николаевны, прожившей долгую, хотя отнюдь не счастливую жизнь. Так в дом вернулся отец, чтобы уже никогда не уходить.

Что запомнила пятилетняя девочка об отце? Что он сердился, когда за столом она ничего не ела. Что для аппетита давал ей капелю вина. И тогда уже сердилась мама. По-видимому, по отцовскому настоянию у неё имелась бонна по имени Полина, из русских немцев, и немецкий язык маленькая Изольда знала.

Что может помнить пятилетний ребёнок о дне, а вернее, о ночи, в которую последний раз видел отца? Что мама и папа поздно вернулись после спектакля. Что сама она, единственная любимая дочка, болела корью, а дома горела красная лампочка. В эту ночь в дом явились чужие люди, перерыли чемоданы... Мама сидела на кровати... Отец накинул пальто прямо на пижаму... (В это место воспоминаний потом вмешалась соседка, уточнившая, что на Александре Генриховиче был

костюм. Но мне кажется, что эмоциональная память девочки точнее запечатлела происходящее, как что-то ужасно неправильное). Подошёл одетый, в шляпе, к ней, Изольде, поцеловал. Она спросила: «Ты куда, папа?» Он ответил: «Я скоро приду, доченька». А потом она услышала из сеней дикий крик и не узнала мамин голос.

В доме на Зименской плакали все: мама, нянька. А потом вдруг разом нагрянули бабушка из Самары, мамини братья. Оказывается, они получили письма с просьбой забрать Изольду. То ли Лидия Николаевна опасалась за свою судьбу, то ли не хотела больше жить.

Первое время у неё ещё брали передачи. А потом затвердили: «без права переписки», «без права

Изольда Александровна Лидарская

передач». Она ездила в Москву узнавать, просить за мужа, а его уже не было в живых.

Лидия Николаевна часто брала дочь на спектакли, сажала «в оркестровку». Изольда помнит, как мама заливалась слезами, играя Софью в «Свадьбе в Малиновке». У неё была ария «Поет, поет сердце». Роль солдатки, у которой пропал на войне, а потом объявился муж, и мучила, и внушала надежду.

Жила надежда. Жила. Помнит Изольда Александровна, как обрадовалась мать: кто-то сказал ей, что на каком-то вокзале в каком-то вагоне видел Александра Керна. Это уж потом в чьих-то мемуарах дочь «врага народа» прочла, что существовали люди, в чьи странные обязанности входило видеть то, чего не было и не могло быть, и делиться «увиденным».

Первое официальное извещение, хоть и лгало, но ставило на надежде крест: А.Г.Керн умер в 1946 году от воспаления лёгких.

Банальная истина: все мы родом из детства. Разве такое детство могло не отразиться на развитии человека, не войти в его судьбу, не оставить отпечаток на личности? Это могло произойти по-разному. Стать, например, нестерпимой обидой и вымещаться впоследствии на окружающих. Или — из-за страха тоже оказаться жертвой — навсегда увести в тень. Эти опасности миновали Изольду, хотя в школьные годы (дети, мы знаем, бывают порой жестоки)

ей пришлось менять учебные заведения по причине немецкого происхождения и фамилии, которую, как ни уговаривали, мама не стала менять и которую Изольда носила до замужества. Фамилию оставила себе мамину. Замуж она вышла за человека достойного, лётчика, учившего впоследствии Гагарина. Но, что называется, выскочила назло. Первая её любовь, из тех, что до гроба, рухнула, потому что родители избранника категорически были против дочери репрессированного в качестве невестки. С остальным же окружением ей, пожалуй, повезло. Театральная среда даже в условиях диктатуры свободнее, чем номерной завод или казённое учреждение. Повезло и с благородством происхождения. В пролетарские времена его носителей уничтожали неслучайно: те имели крепкий фундамент нравственных принципов и несли угрозу инакомыслия.

Изольда Лидарская выросла чрезвычайно привлекательной особой, мужчины провожают таких долгим взглядом. Белокурая красавица с точёной фигурой. В ней смешались две крови: немецкая дала правильность черт, славянская одухотворила эти черты. Возраст обошёл с Изольдой Александровной бережно, на неё всегда приятно смотреть, хотя сама она об этом и слышать не желает.

Артистические гены в ней какое-то время спали. Правда, в войну вместе с мамой, участвовавшей

в шефских концертах, ездила по госпиталям и иногда читала басни Крылова. Сей факт отмечен грамотой, её вручили то ли Лидии Николаевне за воспитание дочери, то ли самой дочке. Дальше никакой самодеятельности, художественной или не очень, в её жизни не было. Думается, что эрзац её просто не привлекал. В театр вслед за матерью, что было бы естественно с её внешностью и наследственностью, не пошла. Лидия Николаевна, чья творческая судьба сложилась несправедливо: она рано простилась со сценой — не желала дочери подобной участи: «Я тебя умоляю, только не в театр!» Думаю, сыграло роль и ещё одно обстоятельство. Изольда была идеалисткой, в собственных способностях сомневалась, при этом считала, что всё должно быть по гамбургскому счёту. Этот максимализм она пронесла через всю жизнь.

Как девочка из хорошей семьи, Изольда обязана была получить высшее образование. Вот и поступила в педагогический институт, получила диплом, успела выйти замуж, появился сын Андрюша. Жила она в большом доме на Советской, где имели квартиры актёры музыкального и драматического театров. Они дружно недоумевали, почему это дочка самой Лидии Николаевны с такими блестящими внешними данными не на сцене. Постепенно в Изольде возникло желание попробовать. Она так и сказала

главному режиссёру: «Я хочу попробовать». Театр выбрала не музыкальный. По-моему, оперетта казалась ей, в её 25 лет, несерьёзным жанром. Пришла в драматический, где главным режиссёром был тоже сосед по дому Юрий Самойлович Иоффе. Пришла, как она вспоминает, мышкой. «В массовочку, в эпизодики. Бесплатно работала. В рот смотрела артистам. Потихонечку-потихонечку: два рубля прибавили, три рубля прибавили... Тут студия открылась (филиал школы-студии МХАТ сделал при Оренбургском драматическом театре два актёрских выпуска. — Т.Т.), не взяли, потому что у меня уже года были. Вольнослушателем притулилась. И поплыла так потихонечку. Очень медленно».

Иоффе оценил приобретение. Изольда не пропускала ни одной репетиции. Она так самообразовывалась, смотрела и знала все спектакли. Поэтому при случае легко заменила заболевшую актрису. Дали ей ставку, поначалу самую низшую. В обиде не была. Она ведь пришла в театр со словами: «Я обеспечена. Муж — офицер. Я не ради денег».

Профессиональное образование в школе-студии Изольда Александровна всё-таки получила. Как без этого? Она всё делает основательно. Параллельно уже играла. Заслуженная артистка РСФСР Ирина Щеглова рассказывала: «Мне как режиссёру и педагогу студии нравилась пыливость

Изольды, её стремление добрать-ся до «зерна» образа и как-то по-своему вырастить из него живой росточек».

Из собственной судьбы

Восстановить актёрские сценические создания невероятно трудно, такая эфемерная ткань — актёрское ремесло. (Даже сейчас, когда существует видеофиксация, она скорее даёт информацию о сыгранном, но не ощущение полноценных и полнокровных спектакля и роли). Однако попробовать понять, из чего она, эта ткань, соткана, возможно. Прежде всего, из человеческого характера, соединённого с талантом и жизненным опытом. Это основа, а там ещё много всяких ниточек сплетается. Прав был Окуджава: «И из собственной судьбы я выдёргивал по нитке».

Первая большая роль случилась в дипломном спектакле по пьесе Виктора Розова «В день свадьбы». Драматург раздвинул привычные рамки сюжетов, характеров дооттепельной советской драматургии. Вот и Лидарской повезло с ролью Майи-разлучницы. Как писали в одной рецензии, она играла интриганку, но интриганку очаровательную. «Не сразу и поймёшь, — утверждал автор, — что такое Майя, чем страшна она в жизни и как чудовищно мало ей нужно от жизни».

Много ли нужно было самой Лидарской от жизни? Судя по

тому, как робко она вошла в театр, она и потом не ломилась напролом в профессии, не требовала самых главных ролей. Врождённая интеллигентность всегда была при ней, этим светом озарены и многие её героини. В давнем своём интервью, данном по поводу присвоения звания заслуженной артистки России, она признавалась: «Сейчас, если мне дают роль сорокапятилетней, я отнекиваюсь, стыдно. Меня уговаривают: «Но ты хорошо выглядишь со сцены». «Нет-нет, что скажут, не по возрасту». А ей было чуть за пятьдесят.

Но, конечно, она бы не была актрисой, если бы не хотела играть. Лидарская играла много. И в проходных постановках, и в значимых для афиши и времени спектаклях. Сошёл со сцены театр Иоффе. Академический психологизм уступил место концептуальному, освобождающемуся от старых условностей (а заодно и от актёрского главенства) режиссёрскому театру. Изольда Лидарская в новом театре не потерялась. Она находила общий язык со всеми режиссёрами, а на её век (вернее, полвека с лишним, 55 лет она прослужила в театре) их пришлось немало. Да, главными и лучшими режиссёрами она считает постановщиков старой школы Юрия Самойловича Иоффе, Михаила Владимировича Нагли, Ирину Фёдоровну Щеглову, что и понятно: они были её первыми учителями в профессии. Но вот

Нальбий Тхакумашев, возглавивший театр после Иоффе в начале семидесятых, профессионал другой формации и человек иного темперамента, оценил Лидарскую-актрису. Она сыграла у него много нового и по-новому.

Производственная драма Игнатия Дворецкого «Человек со стороны» — одна из самых популярных пьес конца шестидесятых — начала семидесятых: современный конфликт, современный язык. На открытом вглубь и вширь пространстве сцены не теряется фигура Щёголевой-Лидарской. Прямая, жёсткая, деловитая под стать главному герою, также лишённая сантиментов и сосредоточенная на работе. Здесь весьма помог её немецкий рационализм, показав её другой, непривычной. Признанная лирико-драматическая Лидарская действительно удивила; оказывается, она и интеллектуалка. После одного из спектаклей к ней в гримёрку явилась с визитом сановная московская дама из министерства культуры: «Очень многие ставят «Человека со стороны». Я видела много спектаклей. Могу выделить двух исполнительниц: Фрейндлих и вас. Обратите внимание на эту актрису», — повернулась она к сопровождавшему её главному режиссёру. Тхакумашев внимание уже обратил. В том же сезоне Изольда Лидарская сыграла ещё одну замечательную, совершенно иного плана роль — Вышневскую в спектакле по А.Островскому

«Доходное место». «Красивые такие платья мне сшили», — вспоминает Изольда Александровна. Это не только женское, но и актёрское замечание: носить костюм, костюм исторический, нужно уметь. Лидарская училась этому во времена Иоффе, он почему-то очень любил ставить Лопе де Вега. Памятные для неё роли при Тхакумашеве — в спектаклях по пьесам современным: «Долги наши» и «Святая святых». Здесь она играла с любимыми партнёрами: народными артистами России Виктором Антоновым и Святославом Ежковым.

Забавно, что при явном взаимопонимании с главным режиссёром, она его, по собственному признанию, страшно боялась. Жили они рядом, и если она высказывала на троллейбусную остановку, а там стоял Тхакумашев, то она поспешно ретировалась назад, во двор. Это к чему? Да к тому, что расхожее мнение, что актрисы с режиссёрами обычно «на дружеской ноге», действительности не всегда соответствует.

Одну из самых лучших своих ролей Лидарская сыграла у следующего главного режиссёра Александра Зыкова в спектакле «Ретро» по пьесе А.Галина «Ретро». История незатейливая, но трогательная. Отставная балерина Роза Песочинская — одна из претенденток в невесты старику, которого дочь и зять хотят пристроить в хорошие руки и освободиться от собственной ответственности.

Как писали в одной из рецензий: «Роза Александровна в исполнении артистки И.Лидарской нежна и романтична, хрупка и ранима. Она готова и сама поверить, что сидящий напротив деревенский старичок — настоящий граф, который давно мечтает сделать ей предложение. Как девочка, обижается она на невнимание «жениха».

Образ, предназначенный, чтобы бить на жалость, вдруг укрупняется чувством собственного достоинства, которое неподвластно годам и которое актриса не демонстрирует напоказ, а постепенно приоткрывает. Жалость уступает место уважению и даже восхищению внутренней молодостью и человеческой стойкостью. Роль была Изольде Александровне не по возрасту, ей исполнилось сорок, а героине стукнуло семьдесят. И это уже талант помог ей понять и передать ещё неведомое состояние увядающей красоты, одиночества, отсутствия будущего. Так Толстой сумел показать чувства дебютантки на балу Наташи Ростовой.

Через семнадцать лет уже в театре Рифката Исрафилова Изольда Лидарская сыграет родственную душу той, прежней героини из «Ретро», ещё одно своеобразное человеческое ретро. Звать её будут Софья Ивановна, и жить ей придётся в спектакле «Пока она умирала» по пьесе Н.Птушкиной. Эта героиня будет бережно сохранять свой дом и свои нравственные устои, укрывшись

от разрушающей суеты внешнего мира среди книг и памяти. Замечательно написала об этой работе критик Евгения Павлова: «Чтобы так сыграть чувство собственного достоинства, его надо иметь. Нет, не то, воинственно наступающее на окружающих, а спокойное, заключённое глубоко внутри и, тем не менее, освещающее каждый поступок, каждое слово и каждое движение».

Народный артист России Рифкат Исрафилов — последний режиссёр в творческой биографии Изольды Лидарской, сложившейся от и до на сцене Оренбургского драматического театра имени М. Горького. Он тоже отдал должное состоявшейся опытной актрисе. «Некоторых он заставлял делать всё по-своему, — выдаёт закулисные тайны Изольда Александровна, — а я что ни делала, он всё принимал. Он хотел поставить для меня пьесу к моему юбилею — «Странная миссис Сэвидж». «Зачем? — сказала я. — Она уже прошла по всему миру». Изольда Александровна отказалась от роли, как отказывалась от бенефисов и празднований юбилеев. Странная актриса, отказывающаяся от роли, эта Лидарская...

Прежде мне казалось, что режиссёры могли бы и побольше обращать внимания на актрису Лидарскую, использовать её более многопланово, а у них имелись другие приоритеты. Теперь же понимаю, что Изольда Александровна тоже была не сахар. С ней тоже

было трудно и не только потому, что, как она сама признаётся, в работе была въедлива и дотошна, ей всё нужно было выяснить (привет, немецкая кровь!), но и потому, что была горда. А эта черта характера не позволяет поступаться принципами, когда они есть, а у Изольды Лидарской они есть.

Задаюсь вопросом: а имеется ли нечто общее во всех многочисленных и разнообразных героинях заслуженной артистки России Изольды Лидарской? Какая у неё тема в искусстве? Ведь у каждого настоящего актёра она должна присутствовать, пусть и неявно. Есть, есть она и у Изольды Александровны. Не знаю только, можно ли назвать это темой. Так вот, Лидарская никогда не играла безмятежно счастливых женщин, довольных собой и жизнью. Наверное, она сама как-то очень серьёзно относится к понятию счастья, считая его скорее философским, чем житейским.

Но так или иначе, а её лучшие сценические создания всегда с судьбой. Как и она сама. А судьба — это не шёлковый путь. В жизни Изольды Александровны было много утрат.

К очередной круглой дате из родного театра привезли поздравительный адрес с красивыми словами. «Этот юбилей — большое событие для всех, кто знает, любит и высоко ценит Вас как замечательную, неповторимую актрису... В каком амплуа Вы бы ни выступали, Ваш талант и профессионализм всегда залог зрительского успеха... Ваш вклад в развитие театрального искусства Оренбуржья неоспорим», — Лидарская читает мне вслух и смеётся.

— Изольда Александровна, разве это неправда?!

— Да вы что!

— Интересная вы, Изольда Александровна!

— Да. Я была интересная. (Театральная пауза — **Т.Т.**) И осталась.